

Текстовые функции возвратно-страдательных предикатов от глаголов речи, мнения и мысли¹.

Обсуждая предложения с возвратными предикатами речи типа *Признание вырвалось* и *Приблизительно говорилось так*, Н.Д. Арутюнова обратила внимание на то, что возвратный предикат в обоих случаях предполагает нулевого субъекта, однако «безагентный пассив» не всегда выражает неуправляемые действия» [Арутюнова 1999: 812], имея в виду второе предложение: «*Говорилось так* эквивалентно *Он говорил так*. Выбор конструкции подчинен не семантическим, а прагматическим целям» [Там же]. Сегодня – на базе анализа обширного речевого материала – можно уточнить эту характеристику: выбор возвратной формы указывает на особый характер отношений в субъектной перспективе (субъект действия / субъект сознания – автор или герой), что может служить выражению определенных художественных и идеологических задач в художественном тексте; вслед за анализом пары предложений (с возвратным и невозвратным глаголом) пришло время грамматического анализа текста, что позволяет приблизиться к пониманию задач, поставленных автором.

В художественном тексте возвратно-страдательные предикаты со значением речи, мысли, мнения могут участвовать в построении субъектной перспективы – устанавливая отношения между субъектными сферами S1 и S3, как показано выше. Тем самым они указывают на позицию субъекта сознания по отношению к субъекту речевого действия и к содержанию речи (эксклюзивность). Таким образом они участвуют в выражении идеологической точки зрения (а иногда и пространственной) – по Б.А. Успенскому.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00263 «Семантико-грамматический словарь русских глаголов».

Под идеологической точкой зрения Б.А. Успенский понимает «оценку», «общую систему идейного мировосприятия. ... Нас интересует в данном случае то, с какой точки зрения ... автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир. В принципе это может быть точка зрения самого автора, явно или неявно представленная в произведении, точка зрения рассказчика, не совпадающая с автором, точка зрения какого-либо из действующих лиц и т.п.» [Успенский 2000: 23].

Для анализа взяты текстовые фрагменты из романов «Бесы», «Идиот» Ф.М. Достоевского и «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» Л.Н. Толстого.

В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» повествование ведется от лица одного из «наших», членов кружка Степана Трофимовича (*Я* рассказчика). Это физически выделяемое лицо в составе сюжетных, внутритекстовых субъектов. Рассказчик изображает разные группы социума: кружок «наших», городское общество, администрацию – мнения, разговоры, сплетни, слухи, бытующие в городе. Все эти группы социума как субъекты речевого действия грамматически передаются нулевым субъектом в предложениях с возвратными предикатами речи и мысли, принадлежащими информативному регистру. Грамматическая семантика этих предложений – эксклюзивность субъекта сознания, за счет чего выражается несогласие субъекта речи в плане идеологии (за счет семантики предикатов в информативном регистре), рассказчик не соединяет себя ни с одной из групп, в отношении всех осознавая себя как чужого. Передача чужого мнения осуществляется в романах Достоевского в основном в рамках информативного регистра (примеры в репродуктивном регистре единичны).

Обнаруживается непонимание, дистанция и размежевание точки зрения рассказчика с «нашими»:

Конечно, «странный» (Шатов), но во всем этом было чрезвычайно много неясного. Тут что-то подразумевалось. Я решительно не верил этому изданию; потом это глупое письмо, но в котором слишком ясно предлагался

какой-то донос «по документам» и о чем все промолчали, а говорили совсем о другом; наконец, эта типография и внезапный уход Шатова именно потому, что заговорили о типографии.

Толпа во время пожара и городское общество – субъект мнений и слухов – воспринимаются как нерасчлененное множество: *Я уже был в другой части Заречья, далеко от того места, где упал Лембке, и тут в толпе услышал очень странные разговоры... Так **передавалось** дело. **Прибавлялось** и еще сведение: что квартиру эту снял для капитана и сестры его сам господин Ставрогин; Вряд ли было какое воровство, но не удивительно, что при таком беспорядке некоторые так и уехали без теплой одежды, не отыскав своего, о чем долго потом **рассказывалось** в городе с легендами и прикрасами;*

Размежевание точек зрения в плане идеологии реализуется средствами как и грамматики (возвратные предикаты с эксклюзивным субъектом сознания, указательные и неопределенные местоимения), так и лексики (оценочной), ср.: ***это глупое письмо, какой-то донос, очень странные разговоры, рассказывалось с легендами и прикрасами.*** Интересно при этом, что пространственной границы между субъектом сознания и субъектом речи нет (*и тут в толпе услышал очень странные разговоры*), что подчеркивает чисто содержательное разногласие – ср. далее у Толстого (см., например, фрагмент «Левин на губернских выборах»), где разница в пространственной позиции (в рамках репродуктивного регистра) может использоваться и для выражения разногласия между героем в фокусе эмпатии и другим героем.

Передача мнения администрации осуществляется также средствами возвратного предиката: *Виргинский сразу и во всем повинулся: он лежал больной и был в жару, когда его арестовали... Поведение его при совершении убийства **разъясняется** в смягчающем для него смысле, кажется, и он тоже может рассчитывать на некоторое смягчение своей участи.*

Чужие речевые действия не имеют конкретно-референтных, индивидуальных субъектов, они принадлежат губернскому обществу в целом;

грамматически они передаются не только с помощью страдательно-возвратных предикатов с нулевым субъектом, как показано выше, но и при помощи неопределенно-личной модификации предложения (которая является синонимичной страдательно-возвратности):

И чего-чего не болтали; шепотом рассказывали; им шепотом замечали; Говорили даже по уголкам, что у нас, может быть, будет убийство...

Отчуждение субъекта речи от общества происходит не только в плане идеологии (в передаче содержания речи, в выборе глаголов речи и их грамматической формы), но и в плане психологии, субъект сознания не разделяет эмоциональных состояний и отношений общества.

Ср.: *Даже гордость и та брезгливая неприступность, за которую так ненавидели его у нас четыре года назад, теперь уважались и нравились; Мысль эта нравилась....* В этих примерах нулевой субъект обнаруживается при глаголах эмоционального отношения в неопределенно-личной и возвратной форме – *ненавидели, уважались*, также при несоотносительном возвратном глаголе *нравилась, нравились*. Морфологическая форма субъектных синтаксем, восстанавливаемых в эти предложениях, - разная: Им., Тв., Дат., общее между ними – нулевое выражение, или значимое отсутствие, что позволяет субъекту сознания отстраниться, не соединяться с чужим мнением, отношением. Таким образом, возвратные речевые предикаты оказываются вплетены в целую систему языковых средств, указывающих на идеологическую и психологическую позицию субъекта сознания – размежевание точек зрения, расподобление субъекта речи и разных субъектных групп, представленных в виде нереферентного множества, в субъектной перспективе текста.

Можно предположить, что сходство в грамматике высказываний, передающей точку зрения в кружке «наших» (в кружке, который противопоставляет себя обществу) и мнения городских обывателей, составляющих городское общество, обнаруживает не только отчуждение

рассказчика от обеих групп, но и сходство между этими группами в плане идеологии – между благообразной и благонамеренной публикой провинциального города, возглавляемой Юлией Павловной, и революционным кружком.

В романе «Идиот» нет эксплицитного рассказчика, как в «Бесах». Однако и в этом случае филологи говорят о субъекте, который стоит за текстом, с чьих позиций дается изображение.

Страдательно-возвратные предикаты речи и мнения (от глаголов *говорить, считать*) с нулевым субъектом, принадлежащие информативному регистру, появляются в начальных частях каждой главы. В этой текстовой позиции глаголы соотносятся с образом повествователя, тем самым они принадлежат к зоне повествователя, который наиболее ярко заявляет о себе в идеологическом плане не в сюжетных частях, а в специальных отделах – рассуждениях.

В тексте «Идиота» предложения с возвратными предикатами речи играют композиционную роль. Они употребляются компактно, привязаны к началам частей романа (кроме первой и четвертой, которые открываются сюжетными сценами) и к ретроспективным обзорам (в первой и четвертой частях), где передается положение дел между событиями, изображенными в романе и где содержатся рассуждения на общие темы, связанные с жизнью тогдашнего общества. Возвратные предикаты речи в этих фрагментах являются средством передачи чужого мнения и свидетельствуют об эксклюзивности субъекта речи, ср. о сестрах Епанчиных, князе Мышкине:

(1) *Упоминалось даже о каких-то будто бы пожертвованиях двух старших в пользу общего домашнего идола – младшей. Одним словом, про них говорилось чрезвычайно много похвального. Но были и недоброжелатели. С ужасом говорилось о том, сколько книг они прочитали;*

(2) *Мало-помалу и распространившиеся было по городу слухи успели покрыться мраком неизвестности. Рассказывалось, правда, о каком-то князьке и дурачке (никто не мог назвать верно имени), получившем вдруг огромное наследство и женившемся на одной заезжей французженке, известной канканерке в Шато-де-Флер в Париже;*

(3) *Итак, даже у наших няnek чин генерала считался за предел русского счастья и, стало быть, был самым популярным национальным идеалом спокойного, прекрасного блаженства.*

Эксклюзивность субъекта сознания заявлена не только специальной глагольной грамматикой, но и «неопределенными» местоимениями, и оценочными суффиксами (*какие-то будто пожертвования, какой-то князек и дурачок*). Неопределенные местоимения – это способ указать или на прямое несогласие и отстранение субъекта сознания, который излагает чужую сплетню, или на незнание, неосведомленность субъектов сплетен и тем самым опознать их.

Особенностью художественного мира Достоевского, устанавливаемой на основе использования возвратных речевых предикатов в совершенном виде, неопределенных местоимений, Н.Д. Арутюнова считает такие сущностные характеристики, как неконтролируемость и стихийность человеческого (героя и автора) поведения, неопределенность его позиции и мнения, ср.: «Точно так же, как мысль Достоевского развивалась сама собой, сама себе противоречила и «сводила все концы со всеми концами» (по выражению Розанова), язык нашептывал Достоевскому свои любимые слова и словечки, разбрызгивал знаки неопределенности, расширяющие семантическое пространство текста. Язык подсказывал ему свои излюбленные конструкции для описания действий и поведения человека» [Арутюнова 1999: 869].

Анализ текстовых фрагментов в связи с формированием образа автора в романах Достоевского может уточнить и дополнить эти характеристики. Возвратные речи, мысли, мнения в несовершенном виде сохраняют

акциональность (*обсуждалось, говорилось* и т.д.), неопределенные местоимения не всегда выражают неопределенность мнения. В текстах романов Достоевского они могут использоваться для указания на особые отношения в субъектной перспективе (на отрезке, соединяющем диктум и модус): удаленность в идеологическом плане субъекта сознания от коллективного субъекта речевого действия и от мнения, выражаемого речевым действием. Одиночество личности – субъекта сознания в романах Достоевского и определенность его знания о цене общества и царящих в нем мнений, выражаемого специальными грамматическими средствами, – вот те характеристики, которые могут дополнить картину художественного мира Достоевского.

Лингвистический материал фрагментов из романов Л.Н. Толстого свидетельствует, что возвратно-страдательные предикаты речи также используются для уточнения позиции субъекта сознания. Они употребляются как в рамках репродуктивного, так и информативного регистра, указывая на особенности пространственной и идеологической позиции говорящего.

В эпизодах «У Бетси Тверской», «Венчание Левина и Кити» нет героя – субъекта сознания, который находится в «фокусе эмпатии», с которым соединяется авторская точка зрения, и высказывания с предикатом *говорилось* носят характер авторской ремарки, резюмирующей положение дел, это те моменты, когда автор открывает свою позицию, стороннюю, – наблюдателя или субъекта нравственной оценки:

(1) – *Экая милочка невеста-то, как овечка убранный! А как ни говорите, жалко нашу сестру!*

Так говорилось в толпе зрительниц, успевших проскочить в двери церкви (автор-мужчина – чужой среди наблюдающих женщин).

(2) *Разговор начался мило, но именно потому, что он был слишком уж мил, он опять остановился. Надо было прибегнуть к верному, никогда не изменяющему средству – злословию.*

- Вы не находите, что в Тушкевиче есть что-то от Louis XV?

- О да! Он в одном вкусе с гостиной, от этого он так часто и бывает здесь.

Этот разговор поддержался, так как **говорилось** намеками именно о том, чего нельзя было говорить в этой гостиной, то есть об отношениях Тушкевича к хозяйке.

В эпизоде «У Бетси Тверской» авторская точка зрения подвижна, происходит очень сложное движение в изображении, в результате чего она незаметно меняется – от внутренней к внешней: от полного отождествления с собравшейся у Бетси компанией (возникает почти физическое ощущение того, как трудно удержать тему: оценочное *слишком уж мил*, пропущенная субъектная синтаксема Дат. п. при предикате *надо было прибегнуть к ...*, сов. вид возвратного глагола в предикации *разговор поддержался*) – к отчуждению от салонной публики и к разоблачению ее (возвратный глагол *говорилось*).

(1) – Но в чем же вы видите особенные свойства русского рабочего? – сказал Метров. – В зоологических, так сказать, его свойствах или в тех условиях, в которых он находится? - Левин видел, что в вопросе этом уже **высказывалась** мысль, с которой он был несогласен...

(2) Левин стоял в маленькой зале, где курили и закусывали, подле группы своих, прислушиваясь к тому, что говорили, и тщетно напрягая свои умственные силы, чтобы понять, что говорилось.

(3) Съев котлетку с фасолью и поговорив с лакеем о прежних господах, Левин, не желая входить в залу, где ему было так неприятно, пошел пройтись на хоры.

Хоры были полны нарядных дам, перегибавшихся через перила и старавшихся не проронить ни одного слова из того, что **говорилось** внизу. Около дам сидели и стояли элегантные адвокаты, учителя гимназии в очках

*и офицеры. Везде **говорилось** о выборах и о том, как измучился предводитель и как хороши были прения...*

*(4) Во всех вагонах слышался звон цепей, суетня, говор, но нигде **не говорилось**, как того ожидал Нехлюдов, об упавших дорогой товарищах .*

В текстовых фрагментах (с субъектом сознания – Левиным) проходит регистровый шов, сигнализирующий о том, что меняется позиция субъекта сознания: из субъекта наблюдения (репродуктивный регистр) он превращается в субъекта интерпретации, регистр меняется на информативный, именно в частях, принадлежащих информативному регистру, и находятся предикаты – возвратные глаголы речи. В фрагментах (1-2) присутствуют модусные рамки (*видел, что..., понять, что...*), принадлежащая модусу мнения (информативный регистр). В фрагменте (1) наблюдающий герой Левин – участник разговора. В интерпретационной части текстового фрагмента его удаленность от субъекта речи передается с помощью формы на –ся – **высказывалась** мысль. В фрагменте (4) модусная рамка (*как того ожидал...*) и отрицание, что также принадлежит информативному регистру. В целом следует говорить, что возвратные предикаты речи прикреплены к интерпретационным, информативным фрагментам, ср. с неопределенно-личными предложениями, не имеющими регистровых ограничений.

В фрагменте (3) в предложении с предикатом – первым глаголом *говорилось* субъект сознания эксклюзивен, однако претендентов на него два: дамы на хорах и Левин. В первом случае возвратность прочитывается как чисто пространственная удаленность, желание и невозможность дам слышать, во втором случае – как удаленность пространственная, усиленная идеологической: Левин, также находящийся на хорах, чувствует себя одиноким и непонимающим среди групп говорящих. Второе *говорилось* прочитывается только через Левина – субъекта сознания. Ср. также:

Но среди этих забот все виден был в ней (Анне Павловне) особенный страх за Пьера. Она заботливо поглядывала на него в то время, как он

*подошел послушать то, что **говорилось** около Мортемара, и отошел к другому кружку, где говорил аббат.*

Субъектная перспектива строится по тому же закону, что и в предыдущем отрывке, и претендентов на субъекта сознания по отношению к предикату *говорилось* три – Анна Павловна (пространственная удаленность от разговора), Пьер (чужой в обществе, с его точки зрения это может быть и идеологическая удаленность) и повествователь (который обнаруживается модусным предикатом *виден был*).

Таким образом, возвратные глаголы речи удерживают **полисубъектность и акциональность**, т.е. несут страдательное значение, прочитываясь через агенса, и позволяют выстраивать текстовую технику **отчуждения (эксклюзивности) субъекта**, с позиций которого воспринимается ситуация, от агенса и его речевого действия – в пространстве или во времени; передают внешнюю точку зрения на речевое действие, могут противопоставлять точку зрения субъекта сознания чужой точке зрения – устанавливают внешнюю точку зрения в пространственном и идеологическом плане по отношению к действию, внутреннюю точку зрения по отношению к герою.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2. изд., испр. М., 1999.

Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 2000.